

18+

Печатая Шаг

Editor: Doctor Walther

Doctor Walther

Печатая шаг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56079060

ISBN 9785449892218

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ренги, по форме ренгами не являющиеся. Деконструкция и перезагрузка иронично-эпического поля поэзии. Второй том представляет новые текстовые эксперименты, по-прежнему включая новинки, «реликты» и «классику». Внимание: присутствует эксплицитная лексика! Informal renga compilation with a cyberpunk twist. Self mocking chain poetry in its perpetual reboot. Second volume conducts novel syllabic and rhythmical experiments including explicit content, as well as represents «classic» and «relic» texts. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

X—Libris	7
i. О СБЫЧЕ МЕЧТ ИДИОТОВ	7
ii. ЛИЛИТ	16
iii. ГОРОД БУДЕН	22
Rule On	32
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Печатая шаг

Doctor Walther

Иллюстратор madhotaru

Редактор Doctor Walther

© Doctor Walther, 2020

© madhotaru, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-9221-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

X-Libris (modern, F)	4
i. О СБЫЧЕ МЕЧТ ИДИОТОВ	4
ii. ЛИЛИТ	12
iii. ГОРОД БУДЕН	18
Rule On (relic, F-Pt-D).....	28
Стенглявт (classic, F-Pt-D)	84
Центуриона (classic, D-F-Na-Rb-Pt-Mb)	139
ОТ НАСТУРЦИЯ	139
ОТ ЗАРАТУСТРЫ	143
ОТ УЛСИ	146
ОТ ГЛАФИРЫ ПЕТРОВНЫ	150
ОТ ДОНА ПЕДРО	153
ОТ НЕСТЕРА	157
ОТ ЛАУРЫ	160
ОТ ГОРДОНА	164
ОТ ИЗВЕСТНОГО КОМИССАРА МИХАЙЛОВА	167
ОТ ДЯДИ ЖОРЫ	171

X#Libris

i. О СБЫЧЕ МЕЧТ ИДИОТОВ

Некоторое время назад мне попало форумное сообщение некоего взрослого индивидуума о том, что он купил себе детский конструктор. «В смысле, ребёнку своему купил?» – недопоняла аудитория. «Да нет же, себе!» – подтвердил постер и разъяснил, что в детстве он играл в конструкторы как раз этой серии, но вот самый навороченный комплект его предки купить не удосужились. Далее ребёнок вырос и устроился на работу – однако ныне, увидев в магазине эту мечту детства, купил, собрал-разобрал – и с чувством удовлетворения отложил в сторонку. Порадовала осмысленность и отсутствие дурацкого стеснения: человек сообщил на форуме о своём поступке и об ощущении полезности оного. Я всецело поддерживаю. Если что-то невыполненное, неиспытанное, неисправленное точит мозг из глубин вашей личной биографии – сделайте это, пусть даже оно потеряло всякую актуальность и выглядит ерундой. Часто (с новыми возможностями) это сделать очень легко. Иногда даже не надо на что-либо тратиться / куда-то ехать: катарсис свершается на информационном плане.

Последнее поясню личным примером. Во школе детям,

включая меня, общеобразовательно втюрхивали поэму Михаила Л. «Мцыри». Каждому прочитавшему название естественно, что речь пойдёт о неких мцырях, видимо – малом народе, или иной какой загадочной прослойке социума: название звучное, обещающее этническую атмосферу наряду с сокрытостью и мрачностью – такие все «mmm-цы» да «р-рии»... Дык нет же! Афтар всё полностью зафейлил, показав катастрофическое непонимание зацепленных материй: мало того, что слово оказывается именем в единственном числе (какого-то мальчика), так даже ударение не на том слогe! И вот такой фейл преподают в школьном курсе, травмируя многия поколения детских психик!

Как раз недавно я понял, что жить с этим когнитивным диссонансом более не намерен – и исправил его, написав правильную (как минимум – адекватную) поэмку под тем же названием. Она недлинная – так и времена сейчас намного скоропостижней... Если хочешь что-то сделать – сделай это сам.

МЦЫРИ

эпическая поэма

В отвесной кряжистой долине,
В луче алеющей зари,
В ночи кромешном гуталине
Влачились древние мцыри.
Жена за мужа, брат на брата,
Сжигая дряблые мосты —
Анахореты целибата,

Апологеты пустоты.
Вздымалась тучная лопата,
Грозой заляпаны черты...
Несимметрично, вздрыжно, вато,
До коитуса и хрипоты.

Посконный мцерь стоял во мраке
На гребне сопки роковой.
В отрогах гор гнездились раки,
Влачил медленный конвой
В далёком гнупом океане —
Мцерью невзрачна пена дней.
Взойдёт ли Геспер, Солнце ль встанет —
Ему не ни горше, ни вздрыжней:
Его гундосая папаха
Хранит попыхи и следы,
Свисая медленно до паха
От меметичной бороды.
Его мохнатая фифыга
Грядёт теплом лохудрых дней.
Раскаты взрывчатого срыга
Фатально утопают в ней,
Как мхи демпфируют частоты
Биений воздуха об тлен —
Уйдёт заря, погибнет кто-то
Из дальних родственных колен,
В теснине гор, на вздрыжных склонах
Кусая млечную пургу
Десницей зуба воспалённой

На перепончатом снегу...
Ад перепончат! Фески, пончо,
Сомбреро, кепки, фофудьи...
Он всех нахраписто прикончит
Без прокурора и судьи —
Один лишь мцырь на шапке склона
Морщинисто заглянет вдаль —
Но поскользнётся неуклонно
Сквозь истекающий мистраль;
Его подошва тихим юзом
Сорвётся в муторный Мальмстрём —
И силуэт его кургузо
Сойдёт на нет... Мы все умрём!
Так думал мцырь, стоя на стрёме,
Задумчиво плюя во тьму.
В сфероидальном окоёме
Немало виделось ему:
Точней, ни капли не видалось.
Ни зги, ни сбруи, ни хуя.
Какое-то бычьё бодалось,
Но даже не уверен я
(а что там мцырь!) что это было
Реальностью... Ведь нам она
Заходит в ощущениях с тыла,
Когда не видно ни хрена:
Заходит. Топчется тоскливо.
Сопит в плечо... Уходит прочь.
Нейтрино местного разлива
Бездарно улетают в ночь —

И вот уж нет, ни нас, ни мира! —
Так думал мцырь, топча базальт.
Покушал вздрыжного инжира.
Включил музон... Скрипичный альт
На ноте фа косил жестоко,
Пока в форшлаге не угас.
Гундосила труба с востока,
Шмурыгал южный маракас...
Сипел колоратурный тенор,
Давясь протяжною мацой;
Басы толклись, скребясь об стены;
Вивальди, Брюкнер, Вагнер, Цой
В далёких медленных могилах
Вращались против часовой...
Нет! Часовой не против! С пылом
Он выключает плеер свой,
Кидает гаджет сей с обрыва,
И думает: «вот гад же тот,
Кто не употребляет пиво,
Махорку, героин, пейот,
Лакрицу, хрен и гуттаперчу,
Рамен и вздрыжную хурму!
Наш мозг извиристо исчерчен!» —
Так думал мцырь, вдыхая тьму;
Немало дырчатых молекул
Колбасились за просто так
Вдоль атмосферы, век от веку —
Бездумный дырчатый бардак!
Так мыслил мцырь в отпетой грусти.

Но не один нам важен он.
Для подтверждения взор опустим
Мы в заболоченный каньон...
Во тот же час в низине вздыжной
Стоял на стрёме мцырь другой.
Притом беспочвенно, сквалыжно
Топтал подошвенной ногой
Трясину зыбкого болота,
На коем значился сей пост —
Пятой захлюпывая что-то,
Был этот мцырь совсем не прост!
И вот: упавший сверху гаджет
С визжаньем погрузился в мох...
Подумал мцырь: «Тогда, а как же
Тому, кто никогда не лох?
Кому же???!? Потому что гад же
Лишь тот же, кто хурмы не жрёт,
С лакрицею... Он бесноват же!
Опять же, героин, пейот,
Махорка, хрен да гуттаперча
В меню должны быть... А не то
Случатся оползни и смерчи.
И, кстати, пиво! Он же кто?!?
Он гад же!» – вот в таком-то русле
Внизу задумывался мцырь.
Меж тем кальмар ли, птах ли, гнус ли,
Топоршчатый ли нетопырь —
Протяжно взвился из болота,
Разбуженный визжаньем мха!

Он скрежетал в полёте что-то —
Увы, мохрявая труха
Гасила волны звуковые —
(о световых же не идёт
и речи) ... Плечи, шею вы
Извилисто наплыл – и вот
В безмозгой тьме смердячим татем
Обрушился он на мцыря!
«Нельзя же так же вот летать им!» —
Подумал мцырь, сгибаясь зря...
Его шершавая трясина
Сглотнула сразу навсегда:
Ни чепрака, ни мокассина,
Ни керосина, ни следа...
Он был не прост – но и не сложен,
Ушёл в небытие плашмя,
Не оголив катар из ножен,
Рельеф гашетки не нажмя...

А между тем ущельем выше
До этого рекомый мцырь
Последний всхлоп его услышал,
Горой множественный вишь,
Каньоном загнутый за крайность
В каскаде эх, шептаний, слов —
Реликтом отлетевшей тайны,
Как неуловленный улов...
Помыслил мцырь: «Вот символ смысла!
Вот иллюстрация всему!»

Что жизнь? Она как коромысло —
Сойдёт в безнравственную тьму!
Весь этот всхлюп неясен, странен
Настолько – будто самый рок
Нам, заблудившимся в буране,
Настырно шепчет: Нет дорог!
Нет истин, смыслов, правил, денег!
Природа убивает всех!
Как обоюдоострый веник
(звучит злодейский страшный смех).
Я понял! Жизнь моя – убога,
Как скрип двери в чужом доме.
Пуста, беспочвенна дорога.
Мой каждый шаг – залог сему!»
И с тем шагнув вперёд во пропасть,
Наш мцырь низвергнулся в неё!
Как обезвинченная лопасть,
Как обронённое копьё,
Он канул вниз, во зыбь трясины —
И в миг один исчезнул в ней
Со скрипом кожистой резины,
С утробным чавканьем слюней...
Вот так, внезапностью захвачен,
Дозор лишился двух мцырей!
Мы тщимся всё переиначить —
Судьба ж коварней и хитрей!
В ту ночь враги, пройдя тесниной,
Напали вздрыжною ордой
На гору, реку и долину,

На сенокос и сухостой.
Они захавали деревни,
Где жили мирные мцыри.
Погиб народ с культурой древней
До наступления зари!
Ведь так и мы: живём некстати,
Смятённо теплимся во тьме,
А между тем зенитный катер
Плывёт по мраморной волне!
Он уплывает вдаль понуро,
Весь необломанный такой —
Он ищет лома? дрели? бура?
Как будто в буре есть покой!

ii. ЛИЛИТ

Так называлось стихотворение одного русско-американского писателя. Дадад, о каком-то пиздострадальце в аду. Я его немного улучшил. В том ключе, как вёл бы себя мой герой. Потому что читать оригинал про пиздострадальца невыносимо – эти растёртые сопли с лимоном, рифмы типа «рванулась-завернулась» и прочий «восторг в растущем зуде»... Так что – ремикс, заценивайте.

Я умер. Яворы и ставни
Топорщил продувной Эол.
И фавны шли, и в каждом фавне
Влачился галоперидол —
Он плыл по синапсам и жилам,
Проламываясь сквозь мозги.
Ему сподвижием служила
Психоактивной мелюзги
Толпа... Но мне-то что? Я умер.
Нудел одногогосый зуммер:
«Не расслабляться! Ты в аду!»
Вот, да! По улице иду.
В дверях под мышкою, сверкая
Речною лилией в кудрях,
Стояла девочка нагая
Себя оттрахать предлагая —
Мне это было не в напряг:

Стройна, как женщина, и нежно
Вполне оформлена промежно,
Что важно – даже без ночнушки!
Цвели сосцы, цвели веснушки
Весну земного бытия,
Немедленно припомнил я,
Когда из-за прибрежной клюквы
Нещадно проступали буквы
А также прочая ботва...
Пятьюжды восемь, трижды два —
Я произнёс пароль экспромтный
И в дверь девчонку затолкал.
Она нахмурилась: «О чём ты?»
Но, без шаблонов и лекал,
Я ухмыльнулся очень нежно
И дальше впёрся. В глубине
(что сразу приглянулось мне)
Висел пейзаж «Квадрат кромешный»
И натюрморт системы «Ню»
(хотя, возможно, я гоню).
Был греческий диван мохнатый,
Вино на столике, гранаты,
Нерасчехлённый миномёт
И пара-тройка томогавков.
Какой-то дог протяжно гавкал,
Точнее, это мявкал кот...
Итак – сказал я – буду краток.
Такой сулю тебе порядок:
Двумя холодными перстами

По-детски взять меня за пламя,
Тебя – за вымя в это время
(ну, ты определённно в теме)
Я буду помазать горазд...
Короче, затусуем враз!
Без принужденья, без усилья,
Так, с медленностью озорной;
А хочешь, грудь тебе намылю?
Ты хрен соскучишься со мной!
Тебе я вмиг зажарю кнедлик,
Расчищу почту за два дня;
Мы будем трахаться немедля!
Точней, не сразу... А, фигня!
Я научу глаголу «Ня!»
Тебя и подопечных кошек
(Тащи их всех! Не возражать!)
Мы всех в округе огорошим,
Я разучу тебя рожать,
Подзалетать и рвать гондоны!
Наш новый лозунг – онанизм!
Ты оттопыришься со стоном,
Как перископ, лишённый призм,
Как след латунного трамвая
В морковно-зыбкой борозде...
Ты получаешь всё, давая —
Но смысл игры-то где?.. Да – где?
Не дай себя осыпать пылью!
Ну ладно, всё! Не стой стеной —
Раздвинь, будь ласкова, как крылья,

Свои коленки предо мной —
Такую речь держал я гордо,
Точней, пихал в неё лапшой.
Приятная у девки морда,
И рот достаточно большой...
Был обольстителен и весел
Лик, запрокинувшийся вбок;
Красотку я телесно взвесил:
Полцентнера. Толста чуток.
Пять футов роста, дюйм впридачу —
«Худей до сорока шести.
Дай, маркером я обозначу
Проблемные места... Прости.
Я не хотел тебя обидеть,
Я даже думал отыметь...
Да нет, вполне приятно видеть!
Заткнись уже. Хорош бухтеть!
Давай, сейчас ударом чресел —
Да, яростым! Удар – и го-ол!
Возможно, я неточно взвесил...
Зачем я вообще пришёл?
Короче. Всё. Кончай мудянку.
Вот так-то лучше... Ну, давай!
У нас есть мазь для дула танка.
А может, нет... Представь трамвай!
Фрейдистский символ (знаешь это?) —
Когда въезжает он в туннель...
Я рад, что ты вполне раздета.
Надеть тебя – вот наша цель!

Прицелимся... Вот так, наощупь,
Движенье – всё! Ну – всё, вперёд!
Я мню тебя приятно тощей;
Тебя, я вижу, тоже прёт?»
Змеёй скользит змея в сосуде
Как углеродный композит...
Ужель восторг в растущем зуде?
Неописуемо? Сквозит?
Каков он? Толст, щедеушен, тонок?
Коряв, мохряв и ноздреват?
От барабанных перепонок
До пары сотен киловатт?
Да, это он! Растущий, вроде.
Зудит восторг! Ползут кроты!
Мы перманентно колобродим
В восторге рослой зудоты!
Восторг зудяще начинает
Неописуемо сквозить.
Нам точно хочется вонзить —
Но наша тактика иная:
Пускай зудит, ещё есть время
Порассуждать о зудоте.
Мы бережём коварно семя —
Да, времена ещё не те!
Как вдруг! Она легко рванулась
Продравшись плевою в глубину...
Я в простынях нашёл манула,
И хмуро произнёс «Да ну...»
Манул – какая в этом мана?

Зачем он здесь?!? И на фига?
Он появился слишком рано...
Его натравим на врага
Иль (как бобра) на ножку стула?
Но позже
Вдруг
Нас
Завернуло
В непреднамеренность взлетая —
Ништяк стоял, как два сарая,
Когда посыпались из рая
Предметы, вещи, вещества,
Пятыюжды восемь, трижды два —
Вот переход в грядущий левел!
Вот выход в город! Дверца – в плеве!
Прокол, краеугольный транс,
Преображение пространств,
Манулий тракт и проблеск лисий —
У нас ещё немало миссий,
Их просто будет до хрена —
С веществ спадает пелена
Природа двойственна, как дышло...
Я говорю: «Прости, так вышло.
Прощай. Ну ладно, я пойду!»

Так понял я: вы все в аду.

iii. ГОРОД БУДЕН (красный стих)

Предупреждаю, что здесь не было желания спародировать, поиздеваться, поглумиться. Наоборот: всемерно использовать напор, натиск и нахрап стиля – и его дальше продвинуть, снабдив угаром и невменяемостью. Угар и невменяемость – это именно то, чего вечно недодают нам поэты! Знаю, вы с этим согласны (ибо если не согласны – то чего иного ищите в сей книжке?).

Предупреждаю также, что в тексте присутствуют матерные слова. Собственно, в двух вышепредставленных экслибрах они присутствовали тоже: в i-м – единожды, во ii-м – дважды. Но здесь, вместо напрашивающихся трёх штук, их то ли 4, то ли 5 (в одном месте плазменный поэт удерживается – но во всех прочих кипящий разум сметает препоны на пути обценной лексики, просьба войти в его непростое положение).

1.

Я также под телегою
Промозглый хлеб жевал,
Когда кобылу пегую
Объехал самосвал...

Он шел дорогой трудною,
Дорогой не прямой.
Комбайны горнорудные
Вгрызались в перегной
В стремлении навыкопать
Какой-либо руды —
Намеренья великие,
Великие плоды!
Через четыре годика
Здесь будет город-сад:
Кукуют рысью ходики
И не идут назад!!
...Сжевал еще горбушечку,
Попыхал косячком...
Мне сверху на макушечку
(где волосы торчком)
Телега однобортная
Давила на мозги...
Конечно, дискомфортная
Погода – но с тоски
Мы не умрем, пока у нас
Есть пачка сигарет.
Я завтра еду в Каунас.
Я – плазменный поэт!
Напротив под телегою
Сидел еще чувак.
Когда пешком я бегаю,
То яростный желвак
Под кожей топорщится —

Такой я человек!
...Дорожная уборщица,
Не закрывая век,
Прошла дорогой гнутою,
Дорогой не прямой...
Нам с каждой минутою
Понятней: ей самой
Окурков подметание
С дорожного шоссе
Ценнее и желаннее,
Чем служба в медресе,
Мечети, синагоге ли,
А то и где-нибудь...
Открытиями многими
Отмечен этот путь!
Когда я под телегою
Набряклый хлеб жую,
Я никуда не бегаю,
Не ссу и не блюю,
Не кушаю варения
И кадочных груздей —
Конец стихотворения!
И никаких гвоздей!

2.

...В стране советской люди
Когда такие есть,

Я знаю: город будет!
На крышах будет жесьть!
Ну, или черепица!
И шифер может быть!
Когда такие лица
В стране изволят жить!
Опять же, рубероид —
Изрядный матерьял:
Им тоже крыши кроют —
Меня он обуял!
Покрыть им можно разом
Огромную длину!
(А кто не понял фразу —
То это странно... Ну
Чего в ней непонятно?
Прям тоже не пойму...
Какие если пятна,
А может, все в дыму
От Беломорканала
До устья Колымы?
...А пятна – их немало,
Но их отмоем мы!)
Вот крыши крыть соломой —
Полнейшая херня!
От ней одни обломы!
Вы знаете меня —
Я если что предвижу —
То точно будет так!
Дрейфующую крышу

Ценю (как и чердак)!
Ее скрипучий скрежет
Меня приводит в раж!
Он уши мне не режет!
Я глашатай и страж
Стороительства строений
И будущих домов!
Намного охуенней
Все станет!! Иванов
Фамилия прораба —
Он крыши будет крыть,
Не протекали дабы!
Когда такая прыть,
Когда такие люди
В стране советской есть,
Я знаю: город будет!
На крышах БУДЕТ жесьь!
(Поскольку рубероид —
Дерьмовый материал,
(Хоть иногда им кроют).
Но я бы настоял
На шифере загнутом
Зигзагом поперек:
Им можно за минуту
Покрыть пивной ларек!
А ежели табачный —
То запросто за две!)
Наш выбор однозначный
Сложился в голове —

Вот если черепица,
То долго очень крыть.
Дешевле утопиться!
Чертополох и сныть
Растут пока на стройке
Промежду кирпичей —
Прораб на курсах кройки,
Шитья (он казначей!),
И прочих рукоделий
Готовится к труду.
Уже в конце недели
Лентяям на беду
Он выйдет на работу
И встанет первый дом!
Резиновые боты
Затопчут поделом
Траву и буераки!
И крыши первой жечь
На глинистом бараке
Цветасто будет цвель!
Она ползти не будет
И ехать никуда!
Когда такие люди,
Такие люди, да,
Я знаю Иванова —
Прораб он высший класс!
Он строит не хреново,
Хоть он и пидарас...
Но это не проблема,

Проблем не вижу я!
Когда такая тема,
То мыслей до фига!
Не будут крыши ехать,
Они не будут течь,
Покроем крыши мехом,
А доменную печь
Покроем черепицей,
Чтоб не пропала зря!!
Нам надо торопиться!
Поставим якоря —
Она не шелохнётся!
Ну, разве что, потом
Когда первопроходцы
Сквозь грузный бурелом
Пройдут! И выше крыши
Делов настанет тут!
И кто из нас услышат,
Коль вдруг её снесут?!
Она ж не виновата,
Сама бы не сползла!
Опять же, я – новатор,
Но это не со зла!
Когда чердак скрежещет,
Когда буксует жечь,
Когда такие вещи
В стране советской есть,
Я знаю: Город! Крыша!
Я слышу! Стук сердец!

Ура! Все тише, тише...
Торжественный пиздец!
Конец стихотворенья.
Период, мать твою.
Пойду поем варенья,
Поссу и поблую...

3.

Он крыши крыл фанерой.
Он полный распиздяй!
Когда-то пионером
Был старый дед Митяй
Теперь уже не дышит,
Не слышит (он – хромой),
Ничуть не кроет крыши
И не идёт домой,
Но многие заместо
Его заместо здесь...
Замес такой, известно —
Оно замес и есть!
Но крыши крыть бетоном —
За шиворот стечёт.
Засим макарон оным
Работать – недочёт,
Опасная идея,
Особенно когда
Фанеру клеём клеют

Некрепким, как вода —
Бетон фанеру эту
Согнёт, как банный лист,
Он затечёт в штиблеты
И по штанинам вниз...
Но без фанеры он бы
Так кучей и лежал!
Вот если катакомбу
Построить, иль подвал —
Тогда с бетоном этим
Подавная хуйня...
Мне нелегко на свете!
Все мысли у меня
Душой болеют жарко
Строительством домов!
Я как электросварка!
Опять же, Иванов
Не будет крыть фанерой —
Он матом кроет всё.
Мы все как пионеры —
По жизни флаг несём,
И стих! И голос буден!
И шиферную жечь!
Когда такие люди!!!
...Пойду груздей поесть.

Так вот. О чём я? Значит.
Промозглый хлеб жуя,
Не может быть иначе —
Поэмища моя...
Ух, бля! Уже немало
Наизрекал я тут!
Полезну в одеяло.
Торжественный капут!

Rule On

...В течение лет бесконечным потоком
Надеялся истину я обрести,
Но был обескровлен погибельным роком,
Пройдя к полудню половину пути.
Наш мир бесконечен, как солнце в пустыне.
От солнца в пустыне случается жар —
Я вещи в движении вижу отныне,
Здесь — зыбкий восторг,
там — бесплотный кошмар...

Нет нашей вины в нескончаемой боли,
Восход предвещает начало конца,
И я обретаю бесстрашие воли,
Безропотно сбросив личину с лица
Как нам изменить гомогенность суждений
Имея в наличии лишь кристалличность,
И плюс сублимацию при охлажденьи —
В итоге создав совершенную личность?...
О, я разрушаю клыкастые горы,
Предчувствую гибельной силы прогресс!
Давайте окончим бесплодные споры,
Подключим приборы, успешно и без...

Нас гнусно преследуют Гиббс и Дюгем,
Для них равновесие значит спасенье.
Но в дверь выливался расплавленный джем,
А день был какой? Никакой – воскресенье.
Творенья весны выдавал сублиматор,
Весь мир превратился в убежище зла;
Мы долго глотали комочкам вату;
Из шкафа змея, напевая, ползла...
Как все изменилось! Был ветер разбужен,
Утопленный тополь пушинки взметал...
На завтра циклон к нам придёт в полукружье.
Сквозь город настойчиво шёл самосвал —
Предвидеть, представить, предстать предо мною,
Конечность конца концевать наконец...
Верблюда упорно смывало волною,
Хоть был он отнюдь и весьма не юнец,
Пока не столкнулся с горчичным комбайном...
В моторе открылось окошечко в ад;
В тот миг по стеклу плыли два-три трамвая,
При трении слышался мерзостный смрад...
...Невольно припомнил я грязную воду,
В которой сидел я по самую шею —
Из лужи поднялся, пошёл к огороду;
Сижу и курю сигарету, точнее...
(Запомним про то, как срезают винтовки:
Рукою берут безопасную бритву —

И быстро срезают движением ловким:
Уж эта винтовка и в землю зарыта!)
Откуда на кладбище птицы берутся?
И черви, пиявки, лягушки – откуда?
Пошёл я домой, замечаю: дерутся!
А может, и нет... Всё равно: просто чудо!
Лягушки бывают изрядные очень.
Вот давеча, впрочем, однажды на медне
Сидим мы на почте – и мокрое мочим
(Да, в водке мочить, несомненно, безвредней,
Хоть пиво – не водка, а водка – не пиво.
А пиво, конечно, напиток отменный,
Хотя от него очень выглядишь криво
Хоть выглядеть должно весьма огромно!)
...То самое, что я лениво кусаю,
Кусками большими свой рот наполняю,
Куски эти в лужу и в море бросаю —
Они прокисают и быстро линяют...
Мне жалко порою куски эти даже —
Настолько они в глубине гармоничны.
И я разложил их тогда в Эрмитаже,
Повымазав сажей и кремом клубничным...
Толпа горделивых людей проходила,
Смотрела на них и привычно ворчала:
«Поставили б лучше большое удило,
Оно б из паркета красиво торчало,

Зубами стучало и даже рычало!» —
Они говорили мне хмуро, пока
По залу ходили в конец и в начало,
Слегка поворачиваясь на каблуках...
А я им ответил: «Куплю лучше лески,
На гвоздь намотаю, на берег пойду —
И буду ловить я колбасны довески
В аквариумé али может в пруду!»
Они мне ответили: «Сам ты придурок!»
Я ж маски проверил им всем, а затем
Им в рот запихал сигаретный окурок
(С окурком расстаться легко было с тем!),
Потом я на почту пришел, помолился
На образ Мадонны на пыльной стене,
Заснул... Мне, конечно, комбайнер приснился,
Лениво паривший в седой вышине.
Руками своими он звёзды хватал и
Кидал их во бункер комбайна, крича:
«Отдайте, безумцы, скорее сандали —
Едва ли вы знали, ваш груз волоча,
Что значит оно!» — и на этом прервавшись,
Стал грустен комбайнер и даже суров,
Комбайн же его, почему-то порвавшись,
Был вовсе, мы прямо твердим, нездоров:
Он порван был вдоль, прямо до половины,
И в бункере звёзды стучали, журча...

Пошёл я в аптеку, купил санорина
И в бункер спустился, комбайн сей леча.
И – вылечив мигом его за минуту —
Я вывинтил свечи, колёса погнув...
Вот что-то в бумагу лежит завернуто —
Конечно, узнал я, её развернув,
Что было в бумаге в тот час полуночный
Завёрнуто слоя наверно во три...
То был крокодил весь зелёный! Нарочно
Его осмотрел я всего изнутри,
И вижу: бинокль! А может, монокль —
Не видно во тьме абсолютно вообще.
(Сейчас бы угнать Студебекер, Зилок иль
Колок иль гитарный, в борще иль во ще
Вощце... Это ясно мне с первого разу.
Хоть сумрачна ночь, и рассвет впереди,
О нет! Не спастись, не спастись от маэрзма
Он снова везде, от него не уйти...)
Уныло! Я вылез. Везде скрежетали.
Обвислые балки чернели уныло.
Они же в окрестности воздух глотали,
А также ссыпали цитрат аммонила
В глубокие ямы (которые, впрочем,
Ничуть не похожи на грязные ямы —
Хотя, если честно, то в общем-то очень,
Пожалуй, совсем даже, скажем вам прямо,

Весьма) ... Да! Потом я залез в мусорпровод,
Помоями мигом меня завалило —
Для самоубийства прекраснейший повод —
И он на курок нажимает счастливо...
Наверх! Вне пространств вереницею строгой
Они проходили, обличья забыв,
Лишь разве ведущий наряжен был в тогу —
Он курит устало, блудлив и ретив...
Кругом разрастался мучительный грохот,
А я улетаю, забыв парашют
(Тут он произвёл омерзительный хохот —
Ему обязательно «вышку» пришьют)
«Откуда ты, мальчик?» – он спросит, усталый;
Тогда остается заносчиво лгать...
Ему постоянно мешали обвалы,
Он душу пытался от тела отъять
В том самый момент – и всё хуже я помню —
Запаянный, вкрапленный, воткнутый в мир
Я передвигался – как он, автономно...
В зените был славы, как честный вампир
(А запахом бойни он с детства отравлен)
Пропеллер кромсал озверевшую плоть;
Он быть наказанием нашим приставлен —
Господь Бог счастливо кусает ломоть.
Мы пену срезаем заржавленной бритвой,
А этот вот стол, расплескавшись молитвой,

Пронзает насквозь исполин монолитный,
И Иммануил, что звался Ипполитом,
Ушел... Только в нервах навязчивый дым
Взлетал непрерывно, как провод трамвайный —
Ты кончишь, и провод умрет молодым,
Случившись с горчицекосильным комбайном;
Ты станешь ослом, подавившись асфальтом,
Ты Господом станешь, чайку вскипятив —
И вот уже гнусно-надтреснутым альтом
Ты пьешь свой мотив, будто аперитив,
Который течет по сосудам упорно...
С утра в голове колоссальная муть!
Он долго купался в дощатой уборной —
Ну, что? ... И не вымок он даже ничуть,
Он только шагал взад-вперед по фанерке
Печатая шаг, начинал променады.
Эффект был такой же, как при фейерверке —
И вот наконец я достал лимонад
Количеством два с половиной вагона.
Залог безопасный – вагоны страхуй!
Я джемом намазал поверхность перрона...
<Читатель ждет рифмы, конечно же... БУЙ,
Но он не получит ее, хоть убейся!>
А дюны в пустыне исходят свечой
Погряз паровоз в послезавтрашнем рейсе —
Он был поврежден в феврале каланчой,

Упавшей внезапно... Воды в ней немало
Внутри, а снаружи тем паче – вода!
И сразу, когда эта башня упала,
То, в общем, упала она навсегда.
Когда ж я увидел начала вагона,
Я радостно вскрикнул, ладони разняв —
И, вновь погружаясь в струю самогона,
Я двигаю пальцем застывший состав...
О Млечный Бескрайний Безбрежный Путище!
Ты светишь опять в вышине при луне,
И тот, кто дорогу бессмысленно ищет,
Пусть смотрит в твой лик в голубой тишине!
Я умер давно, и воскресну не скоро,
Ладонями мысленно челюсти сжав;
И голос мой, полон немого укора,
Рассеется в запахе утренних трав...
О нет! Я не буду гадать на сегодня,
Я вымазан в саже, как жалкий кабан —
Я просто доеду до станции «Сходня»
И в залу войду, поиграть в кегельбан...
Я утром и вечером в муке тщедушной,
Забыв, опоздав, отмотав до угла —
Ты лучше меня, шепутного, не слушай:
Я быстро пройду сквозь поверхность стола,
И больше не буду усталым регентом,
Который сидит на зеленом диване.

Я, ты, и она – это всё реагенты.
Реакцию будем устроить мы в бане,
Втроем погрузившись в прохладную ванну
Размером три метра, а то и четыре —
И я агрессивен впоследствии стану
Совсем не такой, как сегодня в квартире...

*Я силу ощущаю очень сильно.
Опять в квартире нашей бардачок
Изменчивость расходится обильно —
Жокей садился аж на облучок;
Дальнейшее вовне покрыто мраком
Я тщетно вспоминаю телефон:
Мелькают цифры, диск верчу, однако,
Я так же несущественен, как он...
Я так же изначально был на этом
На поприще сомнительных побед,
И расцветала тёмно-жёлтым цветом
Толпа людей, не евших винегрет...*

Обрывочки мыслей возводятся нами
На пост-постамент панацеей от бед.
Вы правы – мы глупы. От вас мы узнали,
Что значит порой озаривший ответ...
И он отвечает достаточно скупю:
«А вы не пытались окошко открыть?»
Затем обещает нашествие трупов —

Нам некуда наши огрехи зарыть,
Трудами растёт пирамида из трупов!
Ведь так мы, возможно, достигнем Луны.
Убийство ведь было достаточно крупно —
Поэтому он приспускает штаны.
Ты хочешь укрыться под сводами кельи?
Возможно, ты прав – ни к чему горевать.
Вдруг вещи всцвели в середине апреля;
Что может гармонию нам даровать?
А в данный момент мне, наверное, больно.
«Чудак» – говорит он – «ты можешь дышать,
А ты повторяешься!» Словом, довольно!
Логичности не удалось избежать.
Но Africa Nova сказала «фигово» —
И я вспоминаю прошедшую муть:
От берега сучки бежали сурово,
Как странно, что я сочинил эту жуть...
Надменный немножко, чуть-чуть многобровый...

*– На последний кирпич
Заготовлен был спич,
И, доверившись СМУ, без опаски,
У трубы за стеной
Жил ручной домовою
С удивительным именем Васька.
Он от света сего
Не видал ничего,*

*Знал тепло батарей отопления —
Здесь вчера был отсос
За ответ на вопрос
Домового предназначенья.
Хоть неясен нам путь
Кoим шла его суть,
Жить старался он, жизнь украшая,
И хоть гланды имел,
Вечерами он пел —
Нежно пел он, сверчку подражая.
Но не каждый душой
Обладает большой —
Странно Ваську жильцы оценили:
Дескать, что за петух
Будоражит наш слух?
И его хлорофосом морили...
Пресекая скандал
И в ответ на сигнал
«Рыбнадзор» налетел сюда мигом:
Стену разворотил,
Ваську освободил
И занёс его в «Красную Книгу»...*

В это время верблюды, в пустыне рыдая,
(А их было штук семь или восемь,
И была с ними длинная палка литая —
Потому что настала уж осень,
И цветы отцвели, и листья полетели

Вдоль по знойной зеленой канаве...) —
Те верблюды стояли и очень хотели
Ниспослать состояние нафиг,
Что поплыл в отдаленье туманной порою,
В злом краю, где кордоны густые
Плотной сеткой легли на одно и второе,
Заглушая рыданья пустые...
А верблюды – как птицы в подветренном море! —
Горевали в печальном экстазе,
И однако весьма несомненно и вскоре
Потонул парафин в унитазе,
И возврата ему никогда нет оттуда,
И не будет отнюдь совершенно,
Потому что душа у живого верблюда —
Это время, и время нетленно!...

*В лесу охувевшем птицы не спали,
Кругом озверелые листья летали;
Лишь слабый порыв ветерка донесется,
Легчайший неслышимый шёпот —
И в бешеном ритме куст затрясется:
Медведей случившихся топот...
Кругом превалирует сила маразма
Какой удивительный месяц!
Здесь кактус вошёл в состоянье оргазма —
Ей Богу, что мир стал тесен...*

Если обить всю деревню войлоком
И вывинтить пробки из хмурых бутылей,
Он скажет, пригладив рукой чей-то локон:
«Ну, что? Неужели вы снова забыли?
Был день, и я шел по унылой пустыне.
Я шел по пустыне, зубами стуча —
Мне холодно было: пески уж остыли,
И только виднелась вдали каланча —
И та ведь упала, я помню об этом!
Остыли пески очень сильно с утра,
И я, только солнцем горячем согретый,
Бреду по пескам, хоть упасть мне пора,
И холод пронзает озябшие кости —
Совсем я разделся, но холодно все же:
Была каланча, как последний мой мостик
В тот мир, что приблизиться ближе не может,
А я всё иду... И лишь солнце случайно
Меня хоть немного в песках согревает —
Сейчас я наполню водой этот чайник
(Что – чайник?.. Бутылка, но только кривая!)
И выпью воды, на костре подогретой,
Но дров не найти – бесконечна пустыня;
Сижу я в пустыне, курю сигарету;
Пески все с утра так ужасно остыли...
Я плавки снимаю, и кепку снимаю,
Но холодно мне несмотря и на это —

А солнце все выше... Пески остывают...
Сажу на песке и курю сигарету...
А чайник нагреть мне никак не удастся —
Я пробую снова холодную воду;
Деревне бы хоть на пути мне попасться,
Увы... Не люблю я такую погоду!
Маячит мираж каланчи неупавшей,
Хоть точно упала она — я же видел!
Но снова мне день возрождает вчерашний
Пустыня... Гляжу, будто в гневной обиде,
На башню, которая раньше упала,
Но снова стоит флегматичным миражем —
И мне ничего от нее не осталось,
Ни камня... Ни звука... Ни голоса даже.
Лишь голос мой собственный стонет, как ветер,
Который я помню, которого нет здесь
Но мне безразлично — никто не ответит,
Никто не узнает всех ужасов-бедствий,
Что возданы мне... Я наполню лишь чайник,
И буду хлебать несоленую жидкость,
Которую выпил бы только случайно
Я, если бы не был и если б не жил здесь...
Еще полчаса... Ужасающий холод
Пронзает мне душу, хоть я еще молод,
Я будто расколот — остался лишь голод
И пульс в голове, будто огненный молот...

Пустыня! Кошмар наполняет мне душу,
И разум спастись в миражах уж не может —
Вот башня все ближе... Я вижу наружу,
И то, что внутри – взгляд конструкцию гложет,
И в башне, упавшей вчера на рассвете,
Я вижу финал моего перехода —
Я словно забыл о своей сигарете
И жду с нетерпением второго восхода,
Пески чтоб нагрелись... Я плавки надену
И чайник наполню водой несолёной,
И вскоре дойду – и упрусь взглядом в стену,
Что кажется мне лишь стеной утомлённой,
Как я... Утомлен, и не чувствую боли
Пустыне отдал все последние силы;
Бреду по песку, как в нескошенном поле,
Как будто гуляю по краю могилы...
Я чайник налью, и воды подогрею,
И плавки надену, и станет мне лучше —
И завтра до башни добраться успею,
Я верю! Я знаю, мой случай не худший —
Лишь день простоять, и лишь ночь продержаться,
И можно расслабиться ливнем блаженным,
Я здесь, я устал непрерывно сражаться,
Я знаю, что важно, я знаю, что ценно,
Мне холодно, сердце в жестоком зените,
Холодные пальцы песок раздвигают,

И губы бессильные строчки слагают —
Я скоро умру без спасительной нити!
Мне нужен лишь час, и я буду у башни.
Она ведь упала в начале рассвета.
Рассвет не сегодняшний был, а вчерашний;
Иду по пустыне, курю сигарету...» —
Так скажет он, локон поправит обратно,
И речь после паузы долгой продолжит:
«Допустим, с утра вы увидели пятна,
И душу сомнение страшное гложет.
Но пятна (заметьте! Они голубые!)
Исчезнуть готовы лавиной вчерашней,
Но камни в тумане (довольно тупые)
Задержат лавину – но это не страшно.
Покроются пятнами сами те камни,
Покроются – станут пятнистыми очень,
Но вспомните: только что дождик недавний,
Который прошел в полчетвертого ночи,
Отмыл их от прежней пятнистой окраски,
Оставшейся здесь от вчерашней лавины.
Вы камни берёте – уже без опаски:
Они голубые лишь до половины,
И пятна покрыли их слоем красивым,
Но скоро не хватит камней, что в тумане
Маячат сурово угрюмым курсивом...
Конечно, понятно: все дело в обмане

Оптическом. Зрение часто подводит,
И пятна, что камни слоями покрыли,
Облезлых картофельных шкурок навроде,
Красны – но они голубые... Вы были
В Бердищеве хмурой сентябрьской ночью?» —
Он спросит, ресницы устало откинув,
И, будто впервые увидев воочию
Всю эту обитую мехом картину.
Продолжит: «Итак, я скитался в пустыне,
Холодной, как омут, и белой, как свечка.
В движении вещи я вижу отныне —
В вещах началась повсеместная течка.
Коль башня упала, и нет ее больше,
Я шел и терял ужасающий разум;
Пришёл. Оказался я в Западной Польше
И кто-то меня накрывал медным тазом...
О жизнь!!! (Кстати: таз, был, похоже, латунный!)
Ты стонешь, как лама в лесах Занзибара!
Нет сил отыскать револьвер полулунный
И выстрелить в лоб голубого кошмара!» —
Он скажет. – «А всё же. Вот, кстати, вам штучка:
Пропеллер чугунный, на лопасти – ручка.
Берёте, к примеру, машинный вы клапан —
Тогда начинается диск «Made In Japan»,
При этом кошмар был руками залапан.
Открытием ветра окошко открылось,

И мальчик вприпрыжку ходить начинал.
Лицо его так ненавязчиво билось,
Что даже, возможно, он был самосвал...

*У меня на печке
Началась лечка
Дунул я на свечку
Всплыло три колечка
Блеяла овечка
Потому что течка.*

Вряд ли хватит бритвы остроты,
Чтобы с хрипом горло пересечь,
Но явился Знак – и видишь ты
В отстраняющем мерцанье свеч:
О как бритвы блеск к себе манит,
Ближе, ближе... Свет и голоса...
Идиот проклятый вновь избит,
Руки сломанные стянуты назад —
Люди, что за счеты вы свели
Здесь со мной у этого окна?
Господи, хотя бы раз внемли
Прежде, чем оскалится луна...

Уведомлением жёлтым беспечным
Ты открываешься. Ты говоришь.
Люди вокруг получают увечья —
Господи, важно! Ты ведь сторишь!
Видишь, безжалостным белым размахом

Лес оплывает в корче стволов,
Это нестрашно – публика ахает —
Ready? – Oh... Yes, sir! – и я готов,
Я предвкушаю такую развязку...
Странно, что время на месте стоит
Всё ещё... В нашей трясине вязкой
Пучится что-то... А он разглядит.
Он разглядит, назовёт и укажет,
Не затрудняясь в выборе слов,
А если запнется – тогда подскажем:
Нас ожидает богатый улов!
...Но растекается белый день
По потолку сквозь оконную скважину,
Тело твоё не отбросит тень,
Плавится в печке солдатик отважный...
Прочь, уберите свиные рыла!
К любым испытаниям я не готов!
Это не нужно... Да что ты, милый?
Скажет... Ей Богу, не нужно слов!
Сколько таких вот ненужностей важных —
Не переступишь, тяжелый груз...
Ты к нему с просьбой – а он откажет,
В зубы ему бетонный арбуз...

*Прыгал в балдёже Андрюша Шапкин —
Блядь ему лезла ночью в кровать:
Он её венником, он её тапком —
Бестолку всё, ах мать твою мать...*

И снова опять не могу больше ждать!
Я вышел в разгон, опустившись в бетон,
Торчащий арбузом бессмысленным грузом
Из пасти, раскрытой бездонным корытом —
Могила разрыта, и память забыта;
Гранитные плиты, и грязь из гранита.
Безбрежность разбита как рваное сито —
Я лидер, я видел, как руки... и вытер...
Горящие светом бессмысленным летом
Согреты – рассветы, ответы, нимфеты,
Я буду... Упавший, как свечка и полночь
Создавший – рассудок не сможет исполнить —
Баллон... Это вентиль... Ты просто придурок.
Но только открой это время из шкурок
Убитых лососей – они молодые:
Густые, пустые, седые, седые,
Седые... Я вентиль, уставший туманом.
Он пьяный, и создан бездушным органом:
Баллон. Эталон. Перезвон эстоцина...
Я просто дубина, ты просто дубина,
Он просто дубин, как рубин – ты один, и
Картина не стала конкретным конкретом,
Конкреции смрадом женевским согреты,
О нет! Это – это, и это. Just это!
Ты был. Я упал. Ты остыл. Всё осталось.
Сначала начало мычало молчало

Сначала Сначала Сначала Сначала
Скучала торчала торчило сторчала

Alright.

*И под нашей луной голубой
Чудеса всеразличные множатся.
Ты хотел бы остаться собой,
Но наденешь чужую кожицу.
Он приветствует этот миг,
Для него готова отмета:
По асфальту плывёт рыба сиг
В суматохе жаркого лета.
Облик новый ты зря надел,
Невозможны черты иные —
Это знают и даже те,
Что испытые шеи вьют.
Славно пахнёт паленый асфальт,
По нему ты загнанный движешься;
Раз – прицел, на курок – и два,
Рана мощная, не залижешься...
Испарение темных струй,
Крови струй бесполезно пылящихся —
Тут конечно же рифма БУЙ,
Какового у нас два ящика...
Все же он продолжает молчать,
А ведь, кажется, уж невозможно —
Зря ты рот отверзаешь, крича:
Я такой же, как ты, сапожник,
Я хватаю стальную иглу —*

Куча кожи и крепкая дратва.
Пауки скребутся в углу
Зеленющие... Кончено... Прав ты.
По утрам он вонзает взгляд —
Книг навалом, и все из камня.
Ты странички листаешь подряд:
Сколько букв, этот город странен...
Всё из камня: книги, интриги,
Голоса, даже камни и золото —
Изваяем из камня фиги:
Их фиговость столь камневата...
Ослепленье живущих букв,
Вероятно, тебя не коснется.
Вероятно... Отсутствие мук
Невозможно! Тут Конь принесётся
С синеватым оскалом рта,
Иступлённой болью задушен;
Все шарахнутся – он по углам
Бьёт копытом, домик разрушен...
Но надеялись все ещё —
«Это просто наутро после,
После будет порядок большой...»
Только Конь вдруг явил свои кости —
Обожжённую клочьями плоть
Дымной гарью по ветру кинул;
Ссохся хлебный последний ломоть,
Подставляй под удар свою спину...
Белым плотным туманом день,
В нём пустоты – и мы здесь жили.

*Он залез на дубовый пенёк.
После пива они отлипли...
Ветер начал зигзагам дуть,
Взрывом воздух темней и колючей
В долегой отправлялся путь —
Буратино свой выебал ключик,
Миг последний – узора прицел
Всё спокойно и радужно минет;
Нет, ты что, ты останешься цел —
Он не в духе сегодня ныне...*

А в углах – беззвучные дыни.
Он остынет, он сгинет: смотри...
Он – в пустыне, а фонари
Красные на черном доме,
Внутри – разные... Упорным
Ветром захлебнувшись, стекаешь вниз —
Бриз, запнувшись, споткнувшись, повис —
Стекаешь... Ветром, который не знаешь,
Не знаю (никто не знает) откуда...
Светофоры: запруда в потоке, потоке, пото-
ке. Шторы, но ты упорен.
Упорен, как буйвол, прорвавший скалы
Устало. Настало оно – сначала
Дальше... Что дальше? Купол
Из черного неба,
И звезды – ступор. Без хлеба,

Но ты
Беззвучен,
Как дыни в углу.
Отныне, и случай случай случай —
Всё, что ты можешь можешь я —
Тоже.

*Падают рожки в железные бочки,
Мирно растут на полянах цветочки.
Съели мы плюшечку – всю, а кусочки
Сдули в окошко в ночные часочки...
Листики вянут, а я улыбаюсь:
Радужно гляну – аллеика прямая,
Топол дружные пирамидальненькие
Солнышки кушают, словно паяльники!
Мы унесемся в предверие штормика,
Скинув одежду на пляже.
Смотрит толпа на кретина упорненько —
Я их не слушаю даже!
Белые камешки дно облелеяли,
Парус покрылся печалью.
Вот и овечки больные заблеяли —
Я вас на лодке встречаю.
Встречу, родимых – пойдём не спеша
В нежно-туманное поле...
Радость какая! Всё сосны – из замши,
Хвоя испортилась, что ли...
Я всё равно приветствую радостно,*

Здесь – просто берег лазури,
Здравствуй! Раскинься в волнении сладостном,
Ветер не чувствует бури.
Вот и песочек и солнечны зайчики —
Много ловить их не надо,
Лучше снимми две с полтинную маечки,
Радость моя и отрада.
Взором тебя обласкаю нетронутым —
Берег улыбкой сияет;
Встанешь потом и пройдеши по перрону ты,
Маечек не надевая,
Я залуюбуюсь картиной божественной
В приступе нежного шквала...
Вот ты, ступив на асфальтик торжественно
Следуешь мимо вокзала,
Ветер несет эти длинные волосы
Мимо вагонов суровеньких —
Лишь пассажирики медленным голосом
Делают это диковинкой...
Корпусом двигая плавно-лениво,
Некому видеть все радости,
В миг, что ты входишь походкой игривой
В здание черной громадности...
Следуй за мной, дорогая – и вскоре
Ты, как кораблик в штормующем море,
Будеши рыдать в непрерывном угоре,
Или в тоске...

Гиря в ногах, в парусину одетый,

Скользнув по смолистой доске
В море уйду, никем не отпетый —
Чайки взметнутся в тоске.
Скорбь равнодушных суровых лиц,
Штиль, и парус поник.
Тихо недвижимо волны ниц
Пали. Умолк родник.
Белый родник просветлённых чувств,
Выпьешь – осадок на дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.